

ВАРВАРА НИТШЕ

Комната,
которой нет

Она ищет
справедливость

Он рисует
правду

След
в темноте

Кого
он видел?

— Книга 1 —

МОЙ ХУДОЖНИК

Он рисует то, что нельзя сказать.

Она ищет то, что нельзя скрыть.

Варвара Нитше

Мой художник. Книга 1

«Автор»

2026

Нитше В.

Мой художник. Книга 1 / В. Нитше — «Автор», 2026

Пять лет назад уличный художник нарисовал портрет по просьбе незнакомой женщины. Через два дня по этому портрету нашли и убили полицейского под прикрытием. Ким Монджу приходит служить в отдел, где работал убитый, — и получает его стол и его напарницу. Инспектор Чон Сыльги пять лет знает, чей карандаш это сделал. Он помнит любое лицо, кроме одного. И дело не в том, что память подвела.

© Нитше В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Мой художник. Книга 1

Глава

ВАРВАРА НИТШЕ
МОЙ ХУДОЖНИК

Книга первая
диалогия

Нитше, Варвара.

Мой художник : диалогия. — Книга первая.

Первая книга диалогии. Вторая книга — «Чистый лист».

16+

© Варвара Нитше, 2026

Все права защищены.

Пять лет назад уличный художник нарисовал портрет по просьбе незнакомой женщины. Через два дня по этому портрету нашли и убили полицейского под прикрытием.

Ким Монджу приходит служить в отдел, где работал убитый, — и получает его стол и его напарницу. Инспектор Чон Сыльги пять лет знает, чей карандаш это сделал.

Он помнит любое лицо, кроме одного. И дело не в том, что память подвела.

Он рисует то, что нельзя сказать.

Она ищет то, что нельзя скрыть.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ Чужой стол 1

Глава 1 3

Глава 2 11

Глава 3 19

Глава 4 29

Глава 5 39

Глава 6 49

Глава 7 59

Глава 8 69

Глава 9 79

ЧАСТЬ ВТОРАЯ Комната, которой нет 89

Глава 10 91

Глава 11 101

Глава 12 111

Глава 13 121

Глава 14 131

Глава 15 141

Глава 16 149

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ Лицо на заказ 159

Глава 17 161

Глава 18 171

Глава 19	181
Глава 20	191
Глава 21	203
Глава 22	213
Глава 23	225
ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ Кости и дневник	235
Глава 24	237
Глава 25	247
Глава 26	257
Глава 27	267
Глава 28	277
Глава 29	287
Глава 30	297
Глава 31	307
ЧАСТЬ ПЯТАЯ Вода	317
Глава 32	319
Глава 33	331
Глава 34	341
Глава 35	351
Глава 36	361
Глава 37	371
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ Салон	381
Глава 38	383
Глава 39	393
Глава 40	403
Глава 41	413
Глава 42	423
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	

Чужой стол

Глава 1

Мир — это холст, где краски жизни растекаются не по правилам, а по воле ветра и настроения души. Каждый штрих — не просто линия, а след мысли, танец света, вздох тишины. Вглядись — и увидишь, как тени шепчут тайны, а цвет оживает мелодией безумства и красоты.

Звуки машин, доносящиеся из приоткрытого окна, заглушали привычный поток мыслей время от времени, что позволяло вдохнуть и насладиться секундным умиротворением.

Масляные краски растягивались под влиянием кисти на палитре, смешивались между собой, рождая новый оттенок. Холст был полностью покрыт слоями краски разных цветов. Очередная картина была почти дописана, но чего-то в ней явно недоставало мастеру своего дела — Ким Монджу.

На холсте была комната. Утро, окно слева, свет ложился на спинку стула и дальше, на пол, ровно так, как ложится в начале десятого, когда солнце уже поднялось над домом напротив и ещё не ушло за угол. Занавеска была написана в четыре слоя, и последний он клал почти сухой кистью, чтобы ткань казалась выгоревшей. Чашка на подоконнике стояла криво — так, как ставят, не глядя. Всё было верно. Стул стоял верно, свет падал верно, чашка была та самая, и от всего этого картина оставалась мёртвой, как оставляют мёртвым хорошо составленный протокол.

Он отступил на два шага. Потом ещё на два, до самой стены, и посмотрел оттуда, прищурившись, — так проверяют не рисунок, а замысел.

Не помогло.

Указательный палец сам собой пошёл по воздуху — вдоль края занавески, по спинке стула, вниз, к полу, и остановился. Там ничего не было. Там и должно было ничего не быть, комната пустая, он так и задумывал, и всё-таки палец каждый раз останавливался в одном и том же месте, будто натёкался.

Движение кисти, дописывающей последние штрихи, резко прерывается рингтоном мобильного телефона.

Продолжать писать картину в такой обстановке было уже невозможно — концентрация потеряна. Телефон лежал на табурете, среди тюбиков, и подпрыгивал. Монджу дал ему прозвонить второй раз, потом третий. На четвёртом он вытер большой палец о штанину — на серой ткани осталась охристая полоса, поверх десятка таких же, — и принял звонок с незнакомого номера.

— Да?

— Господин Ким Монджу?

— Верно, — холодный тон явно намекал на нежелание связываться с очередными рекламщиками или спамерами, втюхивающими кредиты, товары или внушающими, что продать им свою почку — крайне выгодно.

— Вас беспокоит капитан отделения сеульской полиции района Кванджин-гу, меня зовут Хван Ина, прошу уделить мне пару минут. Вы согласны продолжить разговор?

Голос был низкий и ровный. Не начальственный — просто ровный, будто женщина на том конце говорила из комнаты, где давно всё решено.

— Допустим, — уже менее уверенно призвал к продолжению разговора художник.

— У меня к Вам просьба. Нашему отделу криминальных расследований необходима помощь такого талантливого художника-портретиста, как Вы, господин Монджу. Мы были бы очень признательны Вам, если бы Вы согласились нарисовать для нас портрет предполагаемого подозреваемого. Ходят слухи, Вы можете воссоздать внешность человека лишь по несколькими деталям, это впечатляет! В данном случае мы имеем описание со слов очевидца и пару

довольно размытых снимков с камер видеонаблюдения. Подскажите. Вы сможете посодействовать нам в этом деле? Естественно, за хорошую плату.

Она не подняла голос ни разу. И ни разу не сделала паузы там, где просящий обычно её делает, — чтобы дать собеседнику вставить «нет».

В ответ на монолог начальника полиции повисла небольшая пауза, а затем раздался хриплый голос:

— Мне надо подумать.

И звонок прервался со стороны Кима. Он не любил телефонные разговоры. Людям ведь вечно лень написать буквами, что они от тебя хотят. Проще ведь вырвать человека из своих дел, заставить потратить на тебя время, да?

Телефон он положил экраном вниз. Так было тише.

Ему же уже пора было собираться. Глянув на часы, пунктуальный художник рассчитал, что у него остался ровно час до начала лекции, а значит: двадцать минут на сборы, полчаса на дорогу до университета, и десять минут в запасе на дорогу до аудитории, несколько приветствий в коридорах со студентами и коллегами и установку мольберта с картиной для разбора в ходе занятия.

Двадцать минут ушло на девятнадцать. Он мылся быстро, вытирал руки о что попало, а одевался вообще не думая: думать было не о чем — серые брюки, чёрная водолазка, белая рубашка поверх, если холодно. Цвета в его одежде не было принципиально. Любая яркая тряпка на нём начинала спорить с холстом — не в глазах окружающих, а в его собственных, — и после такого дня он час не мог доверять себе синий.

Последним, уже у двери, он снял с крючка шарф. Шарф был охряный, вытертый до основы на сгибе, и к серому не подходил совершенно. Монджу набросил его, посмотрел в зеркало только затем, чтобы увидеть, что шарф на месте, и вышел.

В коридоре, у лифта, он остановился и вернулся. Перевернул на подоконнике песочные часы — маленькие, на десять минут, в поцарапанном деревянном корпусе, — и только потом ушёл. Мастерская будет пустая, песок будет сыпаться, и к его возвращению он давно кончится. Смысла в этом не было никакого. Он делал так двенадцать лет.

* * *

В вагоне было не протолкнуться, и он встал у двери, лицом к стеклу, где отражался весь вагон разом, — так было удобнее всего, потому что в отражении никто не замечает, что на него смотрят.

Мужчина напротив спал сидя. Правая половина лица у него была чуть тяжелее левой — не отёк, а привычка: он много лет жевал на одну сторону, и мышца с этой стороны стала толще, а кожа над ней легла плотнее. Женщина рядом с ним читала с телефона и держала его слишком близко, и между бровями у неё стояла вертикальная складка, глубокая и всегда одна и та же, потому что она шурилась не иногда, а постоянно, и очки ей не выписали или она их не носит. Девушка у поручня недавно перестала носить чёлку: лоб у неё был чуть светлее остального лица, и граница шла ровно, как шов.

Он не выбирал это. Он не мог этого не делать. Спроси его кто-нибудь, о чём он думал в дороге, он ответил бы честно: ни о чём.

За две остановки до университета он всё-таки достал из внутреннего кармана сложенный вчетверо лист — он всегда носил с собой сложенный вчетверо лист — и на белом поле, у самого сгиба, поставил три линии: тяжёлая скула, складка между бровями, светлая полоса лба. Ни одного лица. Только три места, где жизнь оставила след.

Лист он убрал обратно и до самого выхода смотрел в пол.

* * *

В коридоре четвёртого этажа пахло скипидаром и растворителем, и запах этот был домашний, как в других домах бывает домашним запах супа.

— Монджу-щи! — окликнули его от лестницы. Профессор Хам с кафедры графики, семьдесят один год, шёл с двумя стаканами кофе и одним свободным пальцем, которым и махнул. — Вы к моим придёте в четверг?

— Приду.

— Вы всегда так говорите.

— И всегда прихожу.

— Один раз не пришли.

— Один раз, — согласился Монджу и пошёл дальше, и профессор Хам что-то ещё говорил ему в спину про молодых, которые всё забывают, и говорил без всякой обиды, просто чтобы говорить.

У двери аудитории стояла девочка с первого курса и держала папку так, как держат щит.

— У Вас же не сегодня консультация, — сказал Монджу.

— Не сегодня.

— Хорошо.

Он открыл дверь и придержал её, и девочка вошла первой, и папку не отдала, и он не попросил. Спросит через неделю. Через две.

Аудитория на четвёртом этаже кафедры изящных искусств была из тех, где окна выходят на север, и это единственное, что от аудитории требовалось. Свет с севера ровный. Он не врёт.

Мольберт Монджу поставил сам, отодвинув от подиума кафедру, которой не пользовался. На каждом столе с утра лежала стопка бумаг — по три листа, скреплённые в углу. Студенты их уже трогали и уже переглядывались: бумаги были не про живопись.

— Французский художник Жак Луи Давид, основатель неоклассицизма. Его работа тысяча семьсот девяносто третьего года «Смерть Марата».

Он снял с картины ткань.

Вступление к сегодняшней лекции было именно таким.

— На картине запечатлена смерть Жан Поля Марата. В бумагах на вашем столе вы найдёте отчёт по вскрытию.

Шорох. Кто-то в третьем ряду перевернул лист раньше, чем договорил преподаватель, и тут же положил обратно.

— Во времена без камер кисть художника сохраняла место преступления, а картины передавали только факты, однако на этой картине есть три ошибки.

Он достал из кармана песочные часы. Не те, что остались дома на подоконнике, — другие, поменьше, стеклянные, без корпуса, которые он носил в кармане пиджака и которые от этого были в мелких царапинах.

— Даю десять минут, — перевернув песочные часы, которые и будут отсчитывать отведённое время, Ким произнёс с добродушной улыбкой, — ищите, — и оглядел студентов, которые тут же стали шептаться между собой и выискивать ошибки в картине на подиуме рядом с преподавателем.

Он не сказал «ищите на картине». Он сказал «ищите». Разница была вся в том, что половина аудитории уже смотрела на холст, а вторая половина — на бумаги, и вот эта вторая половина обычно и приходила к нему потом, на четвёртом курсе, спрашивать, где учат дальше.

Монджу сел на край подиума. Отсюда он видел не картину, а лица, и это его вполне устраивало.

Он смотрел, как они смотрят. Девушка во втором ряду держала отчёт на вытянутой руке и шурилась, будто пыталась отодвинуть от себя запах. Парень у окна вообще не читал — он рисовал на полях, быстро и плохо, и по движению локтя было видно, что он копирует наклон головы Марата и что у него не выходит, потому что он копирует наклон, а не то, что этот наклон держит. Ещё один листал отчёт с конца, как листают книгу, чтобы узнать, чем кончилось.

Песок шёл.

— Я отвечу? — Поднялась рука среди студентов.

Одобрительный кивок преподавателя Ким Монджу послужил ответом, и студентка продолжила.

— В отчёте указано, что Марат скрывался от властей в канализации, где ухудшалось его заболевание кожи: появились сыпь и воспаление. Но если посмотреть на картину, то кожа чистая, не считая пореза на груди.

— У тела чистая кожа — ошибка раз, — с улыбкой произнёс Монджу, переключая внимание на следующего студента, поднявшего руку и готового дать ответ.

Он не сказал ей «молодец». Он показал один палец и повернул голову, и по аудитории прошло то короткое движение, которое проходит, когда всем становится ясно, что игра настоящая.

— Можно? — Он поднялся со своего места. — Где убийца? Судя по отчёту, её задержали с поличным, а художник не нарисовал.

Обратив взгляд на картину ещё раз, Монджу прошёл до неё несколько шагов. Он с лёгкой улыбкой на лице поднял её с мольберта и перевернул, открывая вторую сторону, где была написана совершенно другая картина. Установив её обратно на мольберт, преподаватель снова повернулся к аудитории. Студенты перешёптывались, удивлённые таким развитием событий.

На обороте была та же комната. Тот же свет, та же ванна, та же простыня. И женщина — стоящая чуть в стороне, вполоборота, с опущенными руками, написанная так подробно, как пишут с натуры, а не по описанию.

— Верно, — дождавшись тишины от студентов, продолжил, — на место преступления прибыла полиция, а виновная в смерти Марата Шарлотта Корде оставалась у тела. Она дождалась своего ареста и даже не собиралась скрываться. «Пропала убийца» — ошибка два, — он показал цифру два жестом и вновь улыбнулся.

— А это Вы сами написали? — спросили из середины.

— Сам.

— Зачем?

Монджу подумал секунду.

— Чтобы вы увидели, чего нет, — сказал он. — Пока не покажешь, чего нет, никто не замечает, что этого нет.

В кармане завибрировал телефон. Входящий звонок отвлёк его от ведения пары, и ему пришлось выйти.

— Осталась последняя ошибка, обсудите сами, я скоро вернусь.

Он вышел в коридор и прикрыл дверь. Изнутри сразу поднялся ровный гул — так гудит аудитория, которой дали настоящую задачу и не дали ответа.

Приняв звонок, он услышал на том конце голос капитана полиции, которая звонила сегодня днём.

— Господин Ким, прошу прощения, что отвлекаю, но нам необходимо услышать Ваш ответ. Если Вы откажете нам, то мы бы не хотели терять время зря и упускать подозреваемого. Я прошу Вас...

Голос у неё был точно такой же, как утром. Ни на полтона выше. Женщина, у которой где-то шли свои песочные часы и которая знала, сколько в них осталось, и не собиралась об этом говорить.

Монджу смотрел на дверь аудитории. За дверью двадцать шесть человек спорили о том, чего на картине нет.

— Я согласен. Я готов помогать Вам.

— Правда? Отлично! Тогда будем ждать Вас сегодня в участке. Я отправлю Вам адрес участка, коллеги встретят Вас. Спросите кабинет номер четыреста девятнадцать, Вам подскажут.

Он опустил телефон и не сразу пошёл обратно.

Потом всё-таки взялся за ручку двери. За ней спорили уже громко, и кто-то смеялся, и кто-то говорил «да нет же, смотри», и до конца пары оставалось семнадцать минут, и третью ошибку сегодня никто не найдёт, и он это знал, когда давал задание.

Он вернулся в аудиторию, и в кармане пиджака у него шёл песок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.